23 февраля

23-е февраля - День Советской Армии и Военно-Морского Флота мы праздновали всегда. Папа мой был военным моряком.

Вот в такой фуражке он проходил почти всю жизнь. Обратите внимание - кокарда вышита «золотой» канителью. Потом её приказом из Москвы заменили на металлическую штамповку. Офицеры приказ игнорировали и старому «крабу» не изменяли.

Нарик пошел в мореходную школу в 14 лет, еще во время войны, потом поступил в Бакинское Высшее Военно-Морское Училище. При выпуске просился на подводную лодку на Дальний Восток - отправили служить в Германию, а потом на Балтийский Флот.

Крейсер "Свердлов", сопровождение теплохода "Балтика" с Хрущевым в ООН (помните, как он там башмаком стучал?), визит советских моряков в Англию, потом - командир эскадренного миноносца "Неустрашимый", служба в Штабе Балтийского флота и в Штабе Варшавского Договора в Германии. Так что паспорт папа получил только на пенсии, а до этого документ у него был один - Военный билет. Вот исторический снимок - мой молодой папа жмет руку бифитеру у стен Тауэра.

А недавно, плавая на маленьком кораблике среди северных шотландских островов, я встретила женщину, которая девочкой стояла со своей мамой в долгой очереди, чтобы попасть на советские корабли, пришедшие с визитом в Англию в 50-х годах. Наверное и папу моего там видела.

Помню, что папа никогда не держал в руках никаких сумок или авосек. "Форма морского офицера таких предметов не имеет". У мамы не было формы и она носила всё. Мама всегда шла слева, потому что правой рукой папа "отдавал честь". В закрытом городе Балтийске, бывшем немецком Пиллау, почти все население было в фуражках, так что правая папина рука все время была при деле.

Дома у нас был телефон, потому что папу в любой момент могли вызвать на корабль. Аппарат был морской - трубкой надо было с силой нажать на ролики, они захлопывались щелчком, чтобы при качке трубка не падала с аппарата. Шторма у нас дома не предвиделось, но других аппаратов я долгое время не знала.

Папой я очень гордилась - наш класс несколько раз приходил на "Неустрашимый", мальчишкам давали покрутить ручки у корабельных пушек, кормили в матросском кубрике гречневой кашей и делали групповые фото, тщательно выставляя выдержку и диафрагму.

Помню совсем экзотическую историю - офицеры с семьями плюс команда моряков (папа никогда не говорил "матросы") выбрались на Балтийскую косу на пикник. Если попасть в Балтийск можно было только по специальным документам с проверкой на заставе, то из Балтийска на косу требовался еще один пропуск, потому что пешочком по дюнам можно было без труда придти в Польшу.

Ловили на зацеп камбалу, играли в волейбол, офицерские жены грелись в песчаных дюнах на "сковородках", а детвора носилась по кромке моря, собирая янтарь.
Потом с десяток моряков растянули сетку и с шумом и грохотом вытащили из прибрежных камышей несколько щук. Уху варил в котле на костре корабельный кок и щедро разливал по алюминиевым мискам литровой поварешкой.

Вот, кстати, и совсем недавняя, связанная с папой история. Сидит мой муж Миша в сауне на океанском лайнере, идущем проливом Дрейка, огибая мыс Горн. Шторм, так что сауна пустая, кроме него еще один хмурый мужик. Минут 10 сидят голые молча, потом мужик говорит по-русски:-"Водички подкинь!" Ну не чудеса?! Разговорились, оказался юристом из администрации Нижневартовска. Еще пару раз водички подбросили и выяснилось, что мужик на Неустрашимом матросом служил, и папу моего прекрасно помнит!

Как ни странно, но в нарушение всех правил я тоже дней 10 была в составе экипажа "Неустрашимого". Корабль шел из базы в Балтийске на праздник 1-го мая в Ленинград. За весь переход я папу почти не видела - он, как и положено капитану, весь поход провел на мостике. А я была отправлена в подчинение вестовому, потому что "на корабле пассажиров нет". Наводила порядок в офицерской кают-компании, накрывала на столы к обеду, играла для развлечения на пианино.

На палубу за весь переход меня за руку вывел вестовой только один раз показать нерпу на льду Финского залива. Зато в Ленинграде было весело. Папа распорядился спустить капитанский катер и мы с моряками после демонстрации ловили на Неве улетевшие шарики.

Корабль стоял у Дворцового моста и вечером прямо с него запускали салют. Ночью корабль снялся, развернулся и прошел (протиснулся) через разведенные мосты.

Седых волос у папы прибавилось.

На 23-е февраля собирались у нас за столом в Калининграде и пели. Простая мелодия на фортепиано, нестройный, но прочувственный хор.

"Прощай любимый город!
Уходим завтра в море.
И ранней порой
Мелькнет за кормой
Знакомый платок голубой."

Мама с папой, Никита - начальник яхт-клуба, флагманский штурман с женой, моряки с кораблей и Штаба Флота. Лучше всех пела Надежда Подельщикова. Голос чистый, уверенный, все за ней тянутся. Муж ее - Володя Подельщиков, голубоглазый красавец- блондин, капитан 1-го ранга скоро умрет на Кубе - сердце не выдержит климата. А тут и моего папу направят в Йемен.

Реакция мамы была однозначной -"Через мой труп!", реакция начальства тоже -"Тогда в отставку!" Учитывая, что первый инфаркт был у папы в 37 лет, мама такому решению была рада, а папа смирился и лег в госпиталь на обследование перед пенсией - у военных так положено. Получил своё "Не годен к прохождению службы" и не успел даже выписаться из госпиталя, как из Москвы пришел новый приказ - в Германию, в Штаб Варшавского Договора. Госпиталь убрал лишнюю "НЕ" из медицинского заключения и папа продолжил службу в немецком Ростоке. Крепил там дружбу с немецкими и польскими моряками.

Фотографии "Неустрашимого" есть в семейном альбоме и в Военно-Морском музее, но это уже почти древняя история.

А именной офицерский кортик Наримана ждет чего-то в шкафу на Бассейной. У него есть документ - лицензия на право владения. Хотя нет хозяина - нет и права.
И что с ним делать?

Будем хранить. У нас еще и флаг есть. Настоящий, с корабля. У всех своя История. У нас - такая.